

Европейский союз в Центральной Азии: границы нормативной силы

Рецензия на книгу О.А. Спайсер «Влияние Европейского союза в Центральной Азии. Геополитические вызовы и ответы»¹

Ю.И. Надточей, И.А. Сафранчук

Надточей Юрий Иванович – к.ист.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; E-mail: ynadtochey@yandex.ru

Сафранчук Иван Алексеевич – к.полит.н., доцент департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО Университет; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; E-mail: latuk.info@gmail.com

В рецензии проводится критический обзор монографии французского исследователя О.А. Спайсер, посвященной политике Европейского союза в Центральной Азии. Рецензенты обращают внимание на методологический инструментарий, с помощью которого автор анализирует возможности проецирования влияния ЕС на весьма отдаленный от него регион. В основе работы методология постструктурализма и постмодернизма. Этот нетривиальный научный подход к оценке эффективности политики ЕС в Центральной Азии позволяет сделать вывод о политической акторности ЕС как такового. Рецензенты положительно оценивают результаты работы О.А. Спайсер – одного из немногих исследований, где фактически подвергаются сомнению притязания нормативной модели ЕС на универсальную применимость. В отличие от европейской части постсоветского пространства, где политика европеизации – «привития» бывшим социалистическим странам европейских ценностей и норм – обеспечила ЕС определенные геополитические преимущества как актору, в Центральной Азии Брюссель вынужден признавать ограниченность своей нормативной силы, довольствуясь лишь дозированным влиянием на политическую жизнь стран этого региона.

Ключевые слова: ЕС и Центральная Азия; нормативная сила

Для цитирования: Надточей Ю.И., Сафранчук И.А. (2018) Европейский союз в Центральной Азии: границы нормативной силы. (Рецензия на книгу О.А. Спайсер «Влияние Европейского союза в Центральной Азии. Геополитические вызовы и ответы») // Вестник международных организаций. Т. 13. № 4. С. (на русском языке). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-14.

Книга «Влияние Европейского союза в Центральной Азии. Геополитические вызовы и ответы» представляется весьма своевременной с точки зрения ее методологического вклада в понимание как новых, так и уже весьма отчетливых тенденций, которыми сопровождается деятельность ЕС в тех или иных сопредельных с ним регионах, особенно на постсоветском пространстве.

---

¹ Spaiser O.A. (2018) The European Union's Influence in Central Asia. Geopolitical Challenges and Responses. The Rowman&Littlefield Publishing. P. 245.

Обзор поступил в редакцию в сентябре 2018 г.

Вынесенная в название геополитическая подоплека исследования не должна вводить читателя в заблуждение. Исследование О.А. Спайсер опирается отнюдь не на геополитические концепции начала XX в. и не на классические и модернистские теории международных отношений его второй половины. В основе работы методология постструктурализма и постмодернизма в духе М. Фуко, Ж. Дерида и Лукса. Но в рамках этого теоретического подхода автор отказывается от привычных европоцентричных концепций, рассматривающих ЕС как некий *sui generis*, как феномен, не имеющий аналогов в истории человечества. Автор справедливо указывает, что акторность ЕС не может быть рассмотрена с точки зрения традиционной геополитики, поскольку помимо физического контроля над территорией и ресурсами власть связана с определенным «видением мира», то есть имеет отношение к идентичности геополитического агента, его нормативным установкам.

Именно они, с точки зрения автора, способны пролить свет на привычные явления и процессы, связанные с деятельностью ЕС в странах Центральной Азии – региона, который долгое время находился вне фокуса европейских внешнеполитических приоритетов.

В европейском интеллектуальном дискурсе традиционно доминировала идея о возможности построения единого и неделимого политического пространства от Атлантики до Урала или еще шире – от Ванкувера до Владивостока. При этом сердцевинной такого пространства, исходя из фактического расклада сил на мировой арене после окончания «холодной войны», могло быть только евроатлантическое сообщество западных демократий. Его предполагалось расширить в том числе и на страны, к которым с точки зрения неолибералов и глобалистов, а также их сторонников в бывшем СССР относились и постсоветские республики. Их неполноценная европейская, евразийская сущность при этом не рассматривалась в качестве серьезного препятствия для подобной интеграции, поскольку эти республики рассматривались не как акторы, относящиеся к самостоятельной цивилизации, а скорее как некая отставшая в развитии и нуждающаяся в модернизации европейская периферия.

Однако даже это обстоятельство не могло скрыть того факта, что присущая ЕС в первой половине 1990-х годов незрелость наднациональных структур, равно как и их заикленность на только что освободившихся от бремени социализма странах Восточной Европы, не позволяла ЕС всерьез уделять внимание столь отдаленным от него постсоветским окраинам. Достаточно было лишь не сбрасывать со счетов потенциальную возможность когда-нибудь «интегрировать их в Запад» примерно на таких же общих основаниях, что и большинство других постсоветских республик (за исключением государств Балтии). На практике это проявилось в том, что все пять республик (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения) сразу же после распада СССР автоматически включились в общеевропейский процесс в рамках СБСЕ/ОБСЕ, а затем начали (с разной степенью интенсивности) развивать экономические и политические связи по линии ЕС и НАТО.

Тезис о том, что новые независимые страны Центральной Азии могли бы рассматриваться в Европе как нечто «внешнее другое», что не сможет даже в отдаленной перспективе стать частью расширенного Запада, и тем более, что это «другое» может само повлиять на Евросоюз, скорректировав его поведение, всерьез не рассматривался. В западном интеллектуальном мейнстриме почти безраздельно господствовал еврооптимизм и европоцентризм. Они, помимо прочего, отказывались рассматривать ЕС как традиционного геополитического актора, поскольку Союз не являлся суверенным государством классического типа и, следовательно, не мог осуществлять внешнюю политику в традиционном смысле слова. Не имея возможности напрямую подчинять себе

других субъектов с помощью силы и дипломатии, он делал ставку на так называемую силу нормативную — по сути, социокультурный империализм. Творцы ЕС искренне полагали, что их детище является практическим воплощением идеи мирового общества и что опыт, полученный в результате европейской интеграции, может быть использован как модель в других регионах мира.

Ситуация изменилась ближе к середине первого десятилетия XXI в., когда дифференциация и дальнейшая фрагментация того, что раньше именовалось СССР, а ныне — постсоветское пространство, уже не позволяли европейскому политикуму относиться к Центральной Азии просто как к еще одной из частей бывшей «советской империи», где для достижения интересов ЕС не требовались применения каких бы то ни было специфических инструментов и где сами европейские и евроатлантические ценности (демократия, рыночная экономика) и институты (автономные СМИ, независимая судебная власть и т.д.) могли со временем сформироваться так же, как, например, во включенных в ЕС странах Центральной и Восточной Европы (что тоже не бесспорно).

Более того, и сам ЕС явно переоценил потенциал своей «нормативной силы», посредством которой, как изначально считали апологеты «европейской сверхдержавы» или «мира по-европейски», Союз мог эффективно укреплять свои международные позиции, одновременно демонстрируя свое культурно-нормативное превосходство и над дискредитировавшими себя своей самонадеянностью и унилатерализмом Соединенными Штатами, и над «авторитарными» Россией и Китаем, влияние которых на постсоветскую Центральную Азию становилось все более ощутимым. Это признает и автор книги, указывая, что эти страны также успешно использовали нормативную силу в Центральной Азии. Причем эта сила (назовем ее авторитарной модернизацией) стала восприниматься странами региона порой весьма позитивно и представляла собой хорошую альтернативу модернизации либеральной, которую как раз и предлагал ЕС.

После неудавшихся «цветных революций» в ряде бывших советских республик и с развитием новых интеграционных форматов на пространстве СНГ европейское влияние на политические процессы в постсоветской Евразии, и в том числе в Центральной Азии, ощутимо сократилось, в то время как влияние других акторов, как региональных (Россия), так и внерегиональных — США, КНР, Ирана, в этой части бывшего СССР лишь возросло. К тому же все эти великие (или мощные региональные) державы со стажем не только не пожелали следовать в русле мировой повестки дня, сформированной в ЕС, но и поспешили напомнить руководству Союза об ограниченности его политико-организационных и материально-технических возможностей, столь необходимых для любой силы, претендующей если не на мировую гегемонию, то по крайней мере на особую ответственность за международную безопасность и стабильность.

Спустя ровно сто лет с момента выхода знаменитой книги О. Шпенглера европейский социум впервые по-настоящему сформировал запрос на саморефлексию, задавшись вопросом о месте и роли Старого Света в новом веке, который пока не спешит стать «веком Европы». В каком-то смысле переосмысление европейской идентичности через создание образа «значимого другого», о котором пишет О.А. Спайсер, является знаковой тенденцией. Евросоюз сначала де-факто, а затем и де-юре в своей стратегии безопасности от 2016 г. признал концепцию многополярности, которая на протяжении первых полутора десятилетий после распада СССР вызывала на Западе, в том числе в Европе, если и не полное неприятие, то все же заметный скепсис.

Отрезвляющий эффект кризиса зоны евро и последовавшие за ним неурядицы в ряде стран Старого Света заставили многих исследователей усомниться не только в реалистичности и достижимости внешнеполитических планов и амбиций ЕС, простирающихся далеко за пределы Европы, но и в дальнейших перспективах самого ев-

ропейского проекта. Впервые со времен окончания «холодной войны» европейская идентичность стала не просто предметом академических дискуссий, она начала рассматриваться как необходимое условие для дальнейшего выживания Союза, пространственное расширение которого на Восток обозначило свои пределы. Претендовавшие на универсальность европейские ценности и нормы (а вернее, ценности и нормы ЕС) оказались настолько специфичными, что их распространение наткнулось на весьма ощутимые барьеры не только в странах, сотрудничающих с ЕС по линии партнерских программ, – от «европейской политики «соседства» до «восточного партнерства», но и даже внутри самого ЕС. Наглядным примером здесь являются страны Центральной и Восточной Европы, которые, пройдя сквозь многочисленные проверки на прочность демократии и сито копенгагенских критериев, в итоге превратились едва ли не в оплот евроскептицизма, а в ряде случаев и неоавторитаризма с его откровенной фрондой европейским институтам.

В странах же постсоветского пространства, некогда с воодушевлением принявших европейские нормы за образец государственного строительства, но со временем сменивших оптимизм на плохо скрываемый скептицизм, отношение к нормативной силе ЕС встречает порой еще большее неприятие. Во многом это объясняется той менторской тональностью, с которой ЕС выстраивал отношения с внешними игроками, опираясь на принципы политической обусловленности и тезис о безальтернативности евросоюзской нормативной модели. Проецирование Евросоюзом такого варианта нормативной силы как внутри себя, так и за европейскими пределами, породило критику европеизма старого типа не только на публичном уровне. «Оседлав» эту волну, академики, в свою очередь, также пришли к выводу о необходимости переосмысления европейской политики не с точки зрения рационалистских теорий, а скорее с позиций теорий критических. В этом ключе политика ЕС рассматривается и в работе О. Спайсер, предложившей рассуждать о внешней деятельности ЕС не в категориях силы (power), а в терминах влияния (influence), которое, как известно, является более широким по смыслу понятием. При этом, по замыслу автора, речь идет о «влиянии в контексте», то есть насколько оно «принимается» объектами, на которые направлено, в данном случае – странами Центральной Азии.

Здесь, как уже отмечалось выше, успехи ЕС неочевидны, а итоги конкретных инициатив противоречивы. Более или менее успешными, с точки зрения автора, являются проекты и программы технического содействия странам Центральной Азии со стороны структур ЕС. К ним могут быть отнесены инициативы по укреплению безопасности и открытости границ, эффективное использование водных ресурсов или госуправление (governance). Такая относительная успешность при этом должна быть снабжена оговоркой, что в центральноазиатских условиях подобные программы носят ограниченный масштаб и потому не могут кардинально улучшить ситуацию в тех проблемных сферах (миграция, наркотрафик), где они реализуются. Не стоит также забывать о том, что сами европейские стандарты и практика противодействия таким вызовам, даже в сугубо европейском контексте, – вспомним проблему обеспечения безопасности внешних границ ЕС в условиях нынешнего миграционного кризиса – ставят под сомнение их эффективность и уместность в других регионах мира.

Еще больше проблем у ЕС возникает в процессе реализации политических инициатив. Конкретно речь идет о распространении демократии в условиях авторитарной политической среды республик Центральной Азии. Проекты и программы, призванные укреплять верховенство закона, права и свободы граждан по стандартам и нормам ЕС, встречают у местных властей вполне объяснимое сопротивление, так как реализация подобных инициатив способна подорвать легитимность правящих элит и поста-

вить под угрозу их власть. В такой обстановке ЕС вынужден действовать более изолированно, акцентируя внимание на технократическом характере собственных программ гуманитарного и правового характера и обходя наиболее политически чувствительные (sensitive) вопросы, такие как защита прав человека, свободные выборы и т.д. Такая практика хотя и дает некоторый эффект, в то же время ограничивает влияние Союза в регионе Центральной Азии, как бы выводя ее за периметр европейской цивилизационной периферии.

В этом смысле можно с уверенностью сказать, что выбор автором в качестве кейсов именно отношений ЕС со странами Центральной Азии, а не с другими республиками бывшего СССР, более чем обоснован. Такой выбор позволяет в максимальной степени проследить, где пролегает граница не просто евросоюзовского, но и вообще европейского социокультурного ареала. В конечном счете именно через сотрудничество ЕС с Центральной Азией, а отнюдь не с «европейским флангом» СНГ (Украиной, Беларуссией, Молдавией), прослеживается диалектика внешнеполитических действий ЕС и обратного воздействия на него других акторов. И если европейская часть СНГ, в силу ее географической и культурно-исторической близости к европейскому Западу, может рассматриваться последним как родственная периферия, на время как бы оторвавшаяся от ядра по ряду исторических причин, но все же способная вернуться к своим цивилизационным истокам через интеграцию (ассоциацию) с ЕС, то Центральная Азия вряд ли может претендовать на аналогичный статус. Это отдельный мир, с которым ЕС может взаимодействовать как внешний актор и делать это с целью нейтрализации для себя центральноазиатских вызовов и угроз. Автор книги характеризует такую роль ЕС как роль «консультанта», который не вмешивается напрямую в дела суверенных стран Центральной Азии.

Очевидно, что такой подход является более конструктивным по сравнению с ранее практиковавшимися Евросоюзом в других регионах постсоветского пространства попытками некритической демократизации и европеизации бывших советских обществ. Отказ или существенный пересмотр подобных практик евроатлантической интеграции в стиле 1990-х – начала 2000-х годов может пойти Евросоюзу на пользу, привести к формированию того, что эксперты часто называют «новой нормальностью» в отношениях между Западом и постсоветскими странами. Это обоюдовыгодный исход, и Центральная Азия здесь не является исключением.

Добиться этого можно, если последняя будет восприниматься Евросоюзом в качестве «значимого другого», с которым он может выстраивать взаимодействие, но которое тем не менее не способно воспринять европейскую модель развития в целом. И хотя О. Спайсер не говорит об этом напрямую, такое ментальное «отделение» тех или иных частей постсоветского пространства от пространства Евросоюза, возможно, даже приведет к укреплению европейской идентичности, а следовательно, поспособствует единству пошатнувшегося ЕС. Если развивать мысль автора о «нормализации» как об инструменте силы, то переоценка прежних норм путем выработки нового дискурса способна содержательно изменить европейскую внешнюю политику.

В заключение хотелось бы отметить, что признание аутентичности и неуниверсальности европейских ценностей может стать важным шагом на пути к большей консолидации европейского мира, который, увлекшись и мультикультурализмом, и активным вмешательством в дела неевропейского мира (прежде всего стран Африки и Азии) постепенно утратил способность к саморефлексии. Вернуть ее можно было бы путем формулировки нового дискурса. Выражаясь на языке теории международных отношений, он мог бы основываться не только на либерализме с его неизменным акцентом на

свободе, правах человека и гуманитарном вмешательстве, но и на реализме, который ставит во главу угла международный порядок и безопасность.

Как справедливо отмечает О. Спайсер, развитие подобного реалистского дискурса в духе традиционной геополитики долгое время отрицалось в ЕС. В этой связи стоит отметить, что О. Спайсер представляет новое поколение европейских ученых-международников. Дальнейшие работы этого поколения исследователей покажут, является ли присутствующий в рецензируемой книге элемент признания неуниверсальности европейского опыта восприятия Центральной Азии не как части Европы и введение элементов реалистского подхода (при сохранении приверженности общему постмодернистскому теоретическому подходу) новой тенденцией, или настоящая книга станет только примечательным исключением.

European Union in Central Asia: The Limits of Normative Power (Review of O.A. Spaizer's Monograph "The European Union's Influence in Central Asia. Geopolitical Challenges and Responses")¹

Y. Nadtochey, I. Safranchuk

Nadtochey Yuriy – Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of World Political Trends, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Russian Federation, Moscow, 76 Prospect Vernadskogo, office 3019; E-mail: ynadtochey@yandex.ru

Safranchuk Ivan – Cand. Sci. (Politology), Associate Professor, Department of International Affairs, National Research University Higher School of Economics; Senior Fellow, Center of Central Asian and Afghan Studies, Institute of International Research, MGIMO University; Russian Federation, Moscow, 76 Prospect Vernadskogo, office 319; E-mail: and6958@yandex.ru

Abstract

The review is focused on critical analysis of the monograph written by the French researcher O.A. Spaizer whose study was focused on EU policy in Central Asia. The reviewers pay attention to methodology which is used by the author with the purpose to analyze EU capabilities that are necessary to influence so distant region. At the heart of her work is the methodology of post-structuralism and post-modernism. This uncommon scientific approach helps to estimate effectiveness of EU policies in Central Asia and gives an opportunity to make judgments on the political agency of the Union as such. Reviewers positively assess Spaizer's contribution to the European studies as her book is one of a few studies where doubts about universality of EU normative model were accurately made. In contrast to the European part of the post-Soviet space, where Brussels' policy of Europeanization has some effect and brought benefits to EU as a player, in Central Asia EU normative influence on political life is quite limited.

Key words: EU and Central Asia; normative power

For citation: Nadtochey Y., Safranchuk I. (2018) European Union in Central Asia: The Limits of Normative Power (Review of O.A. Spaizer's Monograph "The European Union's Influence in Central Asia. Geopolitical Challenges and Responses"). *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 4, pp. (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-14.

---

¹ Spaizer O.A. (2018) The European Union's Influence in Central Asia. Geopolitical Challenges and Responses. The Rowman&Littlefield Publishing. P. 245.

The editorial board received the article in September 2018.